

Глава 1

Май 2023 года,
12 месяцев до свадьбы

— Объясни мне еще раз, откуда именно ты знаешь *того самого* дизайнера Рин Адлер? — Поппи продолжала напирать, в то время как ее жених открывал дверь в неприметное здание на Пятой авеню. Он быстро завел Поппи внутрь, направляя ее своей уверенной рукой, которая лежала на пояснице девушки.

Если и было одно качество, которым всегда отличался ее жених Джаспер Майклз, — это была его уверенность.

Это было то единственное качество, которым он ее покорила, после жизни, целиком наполненной неуверенностью, когда вновь и вновь из одной приемной семьи ее отправляли в другую. Сколько себя помнила, она жаждала чего-то подобного: кого-то надежного, того, кто знает, чего хочет. Того, у кого построены планы на все свое будущее и кто сможет их осуществить, и того, у кого найдется особое местечко для нее.

Он, конечно, был скучноват. Даже зануден — он всегда критиковал то, как она одевалась, или ее привычку нервно грызть ногти. Ему не нравилось, что по выходным она любила носить один и тот же старый студенческий свитер, или то, что иногда она жевала с открытым ртом.

Но во всех случаях, когда своими суждениями он оскорблял ее чувства, она всегда могла его простить. В конце концов, они воспитывались в разных условиях. Все, что по-

настоящему было важно, — то, что он ее любил, а в этом, по крайней мере, Поппи нисколько не сомневалась.

— Старые друзья, — ответил Джаспер с ухмылкой, которая одновременно бесила и умиляла. Она понимала, что он не хотел вдаваться в детали и знал при этом, что это вызовет еще больше любопытства с ее стороны. Ухмылка превратилась в настоящую широкую улыбку, когда Поппи нахмурила брови и открыла рот, чтобы *потребовать* больше подробностей.

— Майклз, — до того, как она получила возможность вытрясти из Джаспера больше информации, разговор прервал мягкий глубокий голос. Богатый тембр голоса мужчины заставил Поппи отвлечься от ямочек на щеках своего жениха и посмотреть вверх. А потом еще и еще вверх — на того, кто говорил.

Он был выше Джаспера, ростом метр девяносто, а то и выше, и безукоризненно одет — хотя о Джаспере никто бы не сказал, что он плохо одевался. Работая адвокатом, он должен был всегда хорошо выглядеть, и так и было. Причем выглядело это естественно, будто бы он и не старался. Но этот мужчина был одет с целью привлечь внимание. Его костюм был сшит так, что Поппи могла представить изгиб каждого его мускула под тканью. Он выглядел *отлично*.

Поппи прогнала мысль прочь, удивляясь, как она вообще могла сравнить своего *чудесного* жениха с каким-то незнакомцем. Каким-то незнакомцем, который был воплощением красоты, высоким и мрачным. Ее щеки горели, и где-то в глубине души она слышала голос, советующий ей прекратить пялиться на этого мужчину, пока никто еще не заметил, в каком она была благоговении от его присутствия.

Так следует смотреть на Джаспера, говорила она себе, пытаюсь мысленно успокоиться. Пытаюсь утихомирить

сердце, чтобы оно так не трепетало. Она была не какой-то там школьницей с их глупыми влюбленностями, у нее был чудесный любящий жених.

Взгляд Поппи вернулся к Джасперу, она вынужденно сфокусировалась на дружелюбной улыбке, застывшей на его лице, в то время как он шагнул навстречу тому мужчине.

— Бэк! Как жизнь, бро? — Джаспер протянул Поппи свой кофе и похлопал более высокого мужчину по спине. — Все еще громадина, как я вижу...

Поппи позволила себе взглянуть на мужчину, заметив, как он скривился, убирая руку Джаспера с пиджака.

— Ты не против? Это кашемир. — Он провел рукой по ткани, будто простой жест Джаспера мог как-то испортить его, вне всяких сомнений, дорогостоящий пиджак.

И несмотря на это, Поппи не могла отвести взгляд и не заметила, как ее жених закатил глаза.

Боже правый, мужчина выглядел хорошо, даже гри-масничая. Но теперь напряжение в помещении стало настолько ощутимо, что Поппи почувствовала необходимость влезть в разговор:

— Прошу прощения. У нас встреча с Рин Адлер.

Человек-загадка — Бэк — повернулся к ней и вскинул бровь. Затем посмотрел на Джаспера с выражением лица, говорившим: «Она серьезно?»

Джаспер засмеялся и подвел Поппи к мужчине:

— Дорогая, *это и есть* Рин Адлер.

То, как он это сказал, заставило Поппи почувствовать уже привычный ей стыд, который часто возникал у нее в присутствии Джаспера. Неловкое смущение, когда она не знала чего-то, о чем знали все в кругу общения Джаспера. Ощущение, что она недалекая и глупая, потому что не знает чего-то настолько *простого*. Что *она сама* была простушкой, потому что не знала этого.

И как вообще она должна была это знать? Даже сейчас, окончив университет и работая в одной из крупнейших в городе архитектурных компаний, она не могла себе позволить ничего из творений Рина Адлера. В ее жизни бывали времена, когда она беспокоилась о том, что ей нечем питаться, тогда с чего вообще ей хотеть какое-то платье стоимостью тысячи долларов? И, если быть предельно честной, если бы у нее и были деньги, едва ли бы она чувствовала себя комфортно, отдавая столько за одежду. Ведь по-прежнему были люди, испытывающие такие же трудности, как она сама в юности.

Со стыдом нахлынула новая волна вины: Поппи пыталась примирить себя прошлую и себя нынешнюю, задаваясь вопросом, сможет ли она когда-либо почувствовать, что влилась в мир Джаспера и тех, кто его окружает.

— О, — наконец сказала она, чувствуя, как горят щеки.

— Я, э-э-э... — Она замялась, ведь уже показала себя достаточно глупой, не зная ничего о моде и однозначно оскорбив дизайнера, известного во всем мире, который по какой-то причине согласился создать для нее свадебное платье на заказ. — Я, кажется, думала, что Рин Адлер... Это женщина.

Джаспер рассмеялся, и Поппи не была уверена, из-за ее ли невежества или из-за выражения ужаса на лице Рина Адлера.

— Мне просто... Мне так жаль! Я мало разбираюсь в моде и слышала ваше имя только на этих дурацких трансляциях с красных ковровых дорожек... — Поппи начала нести вздор, пытаясь исправить свою ошибку, пока их не вышвырнули из студии.

Лицо Рина становилось все сердитее, и Поппи быстро осознала свою ошибку.

— Не то чтобы я думаю, что ваша работа *дурацкая!* О боже...

— Тебе придется простить мою дорогую невесту, — засмеялся Джаспер, обхватив Поппи рукой. — Она действительно не разбирается в моде.

Рин взглянул на нее свысока:

— Это видно...

От этого Поппи рассердилась. Разве ему нужно было вести себя как козел? Разве она не извинилась за недоразумение? Это, в конце концов, всего лишь одежда. Вдобавок с тем, как она была одета, было все в порядке. Она вообще позаимствовала этот наряд у начальницы Джаспера, Лены, которая была одной из самых стильных, превосходно одетых женщин, которых она знала. Конечно, одежда была базовой — черная юбка-карандаш и белая блузка, но разве базовая одежда не лучше, чем пестрая или с узорами?

— Выглядит как то, что надела бы моя мама, — пробормотал Рин вполголоса, поворачиваясь к Джасперу. — Считай, что это мой тебе свадебный подарок, Майклз.

Джаспер успокаивающе сжал плечо Поппи, чувствуя, что она готова начать перепалку. На этой встрече к ней вернулась вся вина и весь стыд, которые она когда-либо испытывала. Рин Адлер был *последней сволочью*. Но, прежде чем она могла донести ему свое мнение о *нем*, Джаспер сгладил ситуацию своим привычным очарованием:

— Ничего другого и не ожидал! Хотя, я полагаю, теперь придется тебя пригласить?

Поппи подавила смешок, а Рин вскинул на ее жениха прожигающий взгляд. После недолгой паузы он протянул:

— Ну, я не собираюсь с вами возиться целый день.

Он повернулся и подошел к чертежному столу в конце комнаты. Джаспер подвел Поппи за руку туда, где Рин примостился на стуле, согнув длинные ноги так, что казался просто гигантом.

На секунду у Поппи возникло необъяснимое желание просто повернуться и убежать так быстро, как сможет. И не знала точно, от чего именно бежала бы — от негодяя Рина Адлера или жизни, в которую она нырнет, выйдя за Джаспера.

Со скучающим выражением лица Рин скомандовал Поппи:

— Ну-ка, повернитесь.

Она ощущала себя максимально странно, делая полный круг вокруг своей оси, но все равно не остановилась. К моменту, когда она вновь повернулась к Рину лицом, он уже отвернулся и начал делать какие-то зарисовки в блокноте. Прошло несколько минут, прежде чем он поднял блокнот и показал его паре.

У платья были прозрачные рукава-накидки, а юбка сделана из кружева и тюля, асимметричная, длиной до колена. Поппи усиленно пыталась не сморщить нос — и из-за сверхсовременного стиля платья, и из-за осознания собственных ожиданий от свадьбы. Ей нравилось думать, что она не из тех девушек, что мечтали стать невестой и всегда были преисполнены больших надежд на этот «счастливый день», но упорно чувствовала себя разочарованной эскизом платья.

— Мне НРАВИТСЯ, — немедленно сказал Джаспер до того, как Поппи могла вообще что-нибудь произнести.

— Красивое... — призналась Поппи. Создать такой эскиз с нуля за такое короткое время — у Рина Адлера талант. Если она скажет ему то, что он и так знает, то не обидит. Это платье было великолепным. Но оно не было великолепным платьем для *ее* свадьбы.

— Но? — вскинул бровь Рин.

— Но оно короткое... — пробормотала Поппи, обеспокоенная, что ее мнение оскорбит Рина Адлера. Она даже

не осмелилась поднять глаза, поскольку раньше, когда он потешался над ее одеждой, уже почувствовала его осуждение и не хотела повторения.

— Это и делает его прекрасным, — начал спорить Джаспер до того, как Рин начнет обижаться. — У тебя шикарные ноги. С таким платьем тебе будет завидовать любая женщина, а мне — любой мужчина!

Поппи покраснела. Джаспер всегда говорил такие комплименты. Иногда она поверить не могла, что кто-то может чувствовать что-то подобное к ней. Она мечтала выйти замуж с самого детства. Все, что было ей нужно — чтобы она была кому-нибудь нужна. И если Джаспер хотел это платье, какая разница, если это не совсем то, что она всегда представляла?

— Хорошо, — кивнула Поппи, нежно пожав руку Джаспера. Она повернулась к Рину. — Нам нравится.

Рин все смотрел и смотрел на нее, и Поппи казалось, что он читает ее мысли, но затем он просто отложил блокнот на чертежный стол.

— Прекрасно. Мне только потребуются ваши мерки. Мой ассистент свяжется с вами, чтобы назначить день.

— Ого, все получилось намного проще, чем я ожидал, — сказал Джаспер. Он обхватил Поппи и наклонил, а затем нежно поцеловал в губы. — Тебе легко угодить. Еще одно из множества качеств, за которые я люблю тебя.

Поппи покраснела и аккуратно освободилась из объятий Джаспера, чувствуя неловкость от проявления внимания к себе перед незнакомцем.

— Спасибо вам огромное, мистер Адлер. Увидимся в следующем месяце, — она улыбнулась и помахала рукой, пока Джаспер увлек ее вперед, что-то тараторя об обещании накормить ее тако перед тем, как вернуться на работу.

* * *

Когда они ушли, Рин вернулся в офис и взял телефон со стола. Как и ожидалось — сообщение от матери, интересующейся, как прошла встреча с Джаспером. Он уставился на экран, не зная, как вообще ответить. Ему было унижительно признаться матери, что будущая невеста думала, что он женщина. Лена, без сомнения, расскажет его отцу Генри, и конца насмешкам не будет.

Было странно думать, что еще год назад Рин вообще не разговаривал с родителями. После ссоры в позднем подростковом возрасте он порвал со всеми, кого знал. Чтобы начать заново строить отношения с родителями, потребовалось десять лет.

И не только с родителями — с Джаспером Майклзом.

Рин знал Джаспера Майклза всю свою жизнь — черт, они же даже друзьями однажды были. Рин фыркнул, засмеявшись при воспоминании о некогда лучшем друге. Джаспер был маленьким куском дерьма уже тогда, и что они только не вытворяли, но на их проделки их мамы обычно качали головами и говорили: «Мальчишки есть мальчишки». А когда они совершали нечто более непροстителное, Джаспер был гением очарования, вновь и вновь вытаскивая их задницы из беды. Рин знал, что это, возможно, и сделало Джаспера Майклза одним из лучших адвокатов в штате Нью-Йорк.

Но потом у Джаспера появилась девушка Астрид, которой он не нравился. Она была милашкой, одной из самых популярных красавиц, и ей казалось, что он был слишком мрачный, скучный... Проблемный. Джаспер о нем из-за Астрид и ее друзей совсем позабыл, будто ему было стыдно быть увиденным с Бэком Сэндлером (таким было его имя при рождении). И это ранило его сильнее, чем он желал признать.

Тогда, в семнадцать, он похоронил эту боль с помощью травки, девушек и новых друзей, от которых нельзя было ждать ничего хорошего. И боже, как его родители *ненавидели* любого друга, который был не Джаспер. Вроде Тома Астора. Он встретил Тома в частной школе, куда ходил с Джаспером, и знал, что его отец был каким-то важным военным чиновником. И каким же он был лютым засранцем! Единственное качество этого рыжего парня, которое оправдывало его в глазах Рина, было то, что он доводил Лену и Генри до сумасшествия, всегда ухмыляясь и пререкаясь.

К окончанию школы родители стали постоянно его отчитывать: «Почему не можешь быть, как Джаспер?», «Джаспер поступает в Гарвард», «Ты растратил свой потенциал в никуда!»

В конце концов, это стало утомлять — день изо дня слышать, что он ничего не стоит. Что его собственные родители предпочли ему другого ребенка. Даже сейчас, когда Рин вновь впустил родителей в свою жизнь, он чувствовал, что это очень неправильно. А тогда гнев и боль достигли невыносимых пределов. Он украл машину отца (за это Генри так до сих пор его и не простил), продал ее, чтобы купить наркотиков, и ушел, не попрощавшись.

Первые несколько лет он провел на вечеринках с Томом, ночуя на диванах у незнакомцев. На клубной сцене Нью-Йорка они стали чрезвычайно известны, и до сих пор Рин удивлялся, как часто он появлялся на страницах модных журналов в разделе о ночной городской жизни. Так странно, что пресса была столь одержима кучкой подростков под коксом. Возможно, тогда и зародилась страсть Рина к одежде. Он был достаточно тщеславен, чтобы осознать, как ему нравилось получать комплименты и ощущать на себе восхищенные взгляды. Чувство-

вать, что его за что-то ценят, — пусть и просто за манеру одеваться.

Ему нравились тусовки, но когда Том начал продавать наркотики, а еще одного его друга убили, Рин решил, что с него довольно.

Он зашел слишком далеко, чтобы вернуться домой, и во всех компаниях, где общался раньше, успел сделаться изгоем. Бэк Сэндлер был достаточно смышлен, чтобы понять, — он никогда не будет сыном, которого хотели его родители. Поэтому он поменял имя на «Рин Адлер», автостопом добрался до Лос-Анджелеса через всю страну, вернулся к некоему подобию здравого смысла и начал медленно по кусочкам строить свою жизнь.

Будучи без копейки в кармане, он устроился на работу в несколько крупных супермаркетов, торгующих одеждой, чтобы узнать изнутри о продажах в сфере модных нарядов. Дважды в неделю он посещал бесплатные уроки шитья в местном общественном центре вместе с пожилыми дамами с фиолетовыми волосами, шьющими одеяла. Он мог часами сидеть на Венис-Бич, наблюдая за полураздетыми парнями и девушками и делая зарисовки стилей, которые бы больше всего им подошли. Прошло несколько лет, прежде чем он перестал себя ненавидеть, осознал, что с ним все хорошо и что ему не нужно соответствовать ничьим ожиданиям.

Осознать, что он тоже заслуживает счастья, было самым большим трудом.

Он был талантлив, и в конечном счете другие тоже начали это осознавать. Буквально за одну ночь он взлетел на вершину мира моды. Рин вытянул счастливый билет, создав платье для актрисы, которую он повстречал, когда та была еще никому не известной официанткой. И вот, в один день он работал в магазине Nordstrom, смотрел по ТВ в комнате отдыха ее появление на красной ков-

ровой дорожке премии «Эмми», а на следующий — лавиной хлынули звонки. Каждая знаменитость первой величины вдруг захотела эксклюзивную вещь, созданную Рином Адлером.

Спустя два года он уже был в Нью-Йорке, обустроив штаб-квартиру своей империи моды.

Снова находясь в Нью-Йорке, было сложно не думать о Лене и Генри. Сначала он не мог понять, будут ли они способны оставить прошлое позади. Они определенно не пытались. А Бэк — точнее, Рин — сейчас был успешным взрослым человеком, за которого родителям незачем стыдиться. Конечно, они захотят общаться снова. Может, когда-нибудь они даже будут гордиться им.

Он первым начал заново строить мосты. После всех прошедших лет у его родителей был все тот же номер стационарного телефона и, скорее всего, все тот же старинный автоответчик. Рин оставил короткое бессвязное сообщение, в котором пригласил родителей поужинать. Мать пришла, Генри — нет. Такие ужины стали ежемесячными, и спустя некоторое время Генри наконец появился. В конечном итоге ежемесячные ужины превратились в еженедельные, проходившие в доме Сэндлеров.

Идеальными отношения не были — все крутилось вокруг прошлого. Возможно, они никогда не станут идеальными, но они снова общались — и это уже радовало Рина. Но это также означало, что он не мог проигнорировать сообщение мамы, как бы ему ни хотелось. «Все прошло отлично, быстро и безболезненно», — вот и все, что он написал, ведь последнее, что ему хотелось, чтобы его мать узнала, как он ненавидит этого их «золотого ребенка». Просто *мысль* о Джаспере приводила его в ярость.

И все это только из-за того, что десять дней назад его мать практически умоляла его согласиться создать свадебное платье для невесты Джаспера Майклза. Он знал,